

Научная статья
УДК 343.102
DOI 10.33184/pravgos-2026.1.11

Original article

РОССИНСКИЙ Сергей Борисович
Институт государства и права
Российской академии наук,
Москва, Россия,
s.rossinskiy@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

ROSSINSKY Sergey Borisovich
Institute of State and Law of the Russian
Academy of Sciences,
Moscow, Russia

ТЕНДЕНЦИИ К УПРОЩЕНИЮ ДОЗНАНИЯ: ВОЗВРАТ К ИСТОКАМ, УСТРЕМЛЕННОСТЬ В БУДУЩЕЕ ИЛИ ПУТЬ В НИКУДА?

TRENDS TOWARD SIMPLIFICATION OF INQUIRY: RETURNING TO THE ROOTS,
ENVISIONING THE FUTURE, OR A DEAD END?

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена необходимостью оценки перспективности бытующих в настоящее время правотворческих тенденций, связанных с упрощением уголовно-процессуальной деятельности органов дознания и направленных на снижение возлагаемой на них служебной нагрузки, сокращение сроков выполнения стоящих перед ними задач, уменьшение выделяемых на их содержание бюджетных ассигнований, достижение иных позитивных результатов. Цель: выявить причины, предопределившие возникновение известных, но так и неразрешенных проблем, присущих сокращению дознанию как одной из современных форм предварительного расследования уголовного дела. При подготовке статьи использовались следующие общенаучные методы: диалектический – для всестороннего исследования правовых явлений; системный – для изучения сложных явлений как структурных частей единой системы; структурно-функциональный – для установления особенностей и пробелов правового регулирования; логический – для установления связей между фактами и др., а также частнонаучные методы: формально-юридический – для изучения структуры правовых явлений и процессов, определения их видов, места и роли в иерархии иных правовых явлений, установления особенностей взаимодействия и взаимозависимости правовых категорий с применением правил формальной логики и норм действующего законодательства; историко-правовой – для оценки рассматриваемых явлений с позиции прошлого состояния их формы, содержания и сущности и др. Результаты: определены факторы, обусловившие противоречивость правил проведения сокращенного дознания и его слабую востребованность в правоприменительной практике: 1) диссонанс с глубоко укоренившимися представлениями о механизмах досудебного производства по уголовному делу;

Abstract. The relevance of this article is determined by the necessity to evaluate the prospects of current law-making trends related to the simplification of criminal procedure activities of investigative bodies. These trends are aimed at reducing their official workload, shortening the timeframes for completing their tasks, decreasing budget allocations for their maintenance, and achieving other positive results. Purpose: To identify the causes that predetermined the emergence of well-known yet unresolved problems inherent in abbreviated preliminary inquiry as one of the modern forms of pre-trial criminal investigation. In preparing the article, the following general scientific methods were used: the dialectical method for a comprehensive study of legal phenomena; the systemic method for examining complex phenomena as structural parts of a unified system; the structural-functional method for identifying features and gaps in legal regulation; the logical method for establishing connections between facts, etc., as well as specific scientific methods: the formal-legal method for studying the structure of legal phenomena and processes, determining their types, place, and role in the hierarchy of other legal phenomena, establishing the features of interaction and interdependence of legal categories using the rules of formal logic and norms of current legislation; the historical-legal method for evaluating the phenomena under consideration from the perspective of their past form, content, and essence, etc. Results: the article identifies the factors that led to the inconsistency of the rules for conducting an abbreviated inquiry and its limited use in law enforcement practice: 1) discordance with deeply entrenched perceptions of the mechanisms of pre-trial criminal proceedings; 2) the presence of a number of additional conditions

2) обремененность рядом дополнительных, несвойственных ординарному дознанию условий; 3) низкое качество соответствующих положений закона. Констатирована производность таких факторов, их предопределенность общей первопричиной большинства присущих сокращенному дознанию недостатков – редуционной природой данной формы предварительного расследования, сведением ее сущности исключительно к набору изъятий из общего порядка дознания, то есть к неприемлемому для правотворчества упрощению ранее усложненного механизма решения стоящих перед органами дознания задач. Сделан вывод об изначальной неудачности соответствующих замыслов и, следовательно, о бесперспективности любых предполагающих упрощение дознания правотворческих тенденций.

Ключевые слова: дознание, досудебное производство, общий порядок дознания, орган дознания, ординарное дознание, предварительное расследование, сокращенное дознание

Для цитирования: Россинский С.Б. Тенденции к упрощению дознания: возврат к истокам, устремленность в будущее или путь в никуда? / С.Б. Россинский. – DOI 10.33184/pravgos-2026.1.11 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 103–111.

unusual for a standard inquiry; 3) poor quality of the relevant legislative provisions. The article states that such factors are derivative and stem from a common root cause of most shortcomings inherent in abbreviated inquiry – the inherently reductive nature of this form of preliminary investigation. This reduces its essence exclusively to a set of exceptions from the general inquiry procedure, i.e., to an unacceptable simplification for law-making purposes of a mechanism that was previously complex, for solving the tasks facing the bodies of inquiry. The article concludes that the underlying ideas were inherently flawed, and consequently, any legislative trends aiming to simplify inquiry are unpromising.

Keywords: inquiry, pre-trial proceedings, general inquiry procedure, inquiry body, ordinary inquiry, preliminary investigation, abbreviated inquiry

For citation: Rossinsky S.B. Trends Toward Simplification of Inquiry: Returning to the Roots, Envisioning the Future, or a Dead End? *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 103–111. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.1.11.

ВВЕДЕНИЕ

Оптимизация досудебного производства по уголовному делу – не просто модный тренд. Сегодня потребность в кардинальных изменениях нормативных и практических подходов к работе органов предварительного расследования, их взаимоотношений с прокуратурой, судами, невластными участниками процесса вызвана целым рядом вполне объективных причин. И далеко не в последнюю очередь такую потребность можно объяснить неоправданно высокой заформализованностью досудебного производства, его перегруженностью избыточными условиями и предписаниями, приводящими к необходимости проведения явно излишних процессуальных действий и вынесению достаточно бессмысленных процессуальных решений, разрастанию количества соответствующих документов, усилению бюрократизации и т. д., а в итоге – к неимоверному расширению объемов уголовных дел, увеличению возлагаемой на дознавателей и следователей

служебной нагрузки, а также сроков выполнения стоящих перед ними задач, повышению общей «стоимости» уголовной юстиции и прочим негативным последствиям.

Уже не первый год к данным проблемам приковано внимание ученых-процессуалистов, государственных и общественных деятелей, руководителей и даже рядовых сотрудников правоохранительных органов, иных практических работников. Высказывались и продолжают высказываться самые разные мнения вплоть до фантазмагоричных предложений о полной депроцессуализации российского досудебного производства и его превращении в полицейскую деятельность англосаксонского типа. Однако господствующими оказались менее «креативные» взгляды – о необходимости создания редуционных (то есть упрощенных) порядков предварительного расследования, прежде всего дознания, предназначенных для установления обстоятельств очевидных и не имеющих большой общественной опасности преступных деяний.

В марте 2013 г. некоторые подобные идеи были воплощены в жизнь: УПК РФ претерпел целый ряд изменений и дополнений, нашедших отражение в так называемом двадцать третьем федеральном законе¹, предполагающих появление еще одной, как бы альтернативной и упрощенной формы дознания – предусмотренного гл. 32.1 УПК РФ сокращенного дознания (дознания в сокращенной форме). Причем в официально опубликованной пояснительной записке к соответствующему законопроекту² прямо говорится о стремлении к прекращению нерационального расходования сил и ресурсов государства на нужды уголовной юстиции, к уменьшению сроков досудебного производства по не представляющим сложности уголовным делам о достаточно очевидных преступлениях.

Однако институт сокращенного дознания вполне ожидаемо удостоился далеко не однозначных оценок. В частности, многие авторы признали появление такой формы предварительного расследования безусловным шагом вперед – своевременной, разумной и давно назревшей мерой, важным этапом на пути реформирования досудебного производства, как и уголовно-процессуальной деятельности в целом [1, с. 33; 2, с. 4 и др.]. Правда, некоторые ученые, признавая общую потребность в подобных упрощениях, все же говорили и продолжают говорить о несовершенстве введенных новаций, о необходимости дальнейших корректировок правил работы органов дознания [3, с. 2; 4, с. 174 и др.]. Отдельные специалисты разглядели в легализации сокращенного дознания первую ступень на пути к столь необходимому, по их убеждению, отказу от следственной парадигмы доказывания [5, с. 89]. К слову, самым активным сторонником такой точки зрения был наделавший некогда много шума, а затем сошедший с научной дистанции профессор А.С. Александров.

Другие ученые, напротив, оценили сокращенное дознание как некий «возврат к

истокам» – увидели в нем признаки существовавших ранее классических подходов к деятельности правоохранительных органов полицейского типа в сфере выявления, раскрытия и расследования преступлений. Были высказаны гипотезы о схожести сокращенного дознания с работой царской полиции и жандармерии, а также со свойственным раннесоветскому уголовному процессу «неполнообъемным» дознанием [6, с. 107 и др.].

Наконец, третьи авторы отказались признавать введенный двадцать третьим законом институт сокращенного дознания, фактически посчитав его «путем в никуда». Заявлялось о противоречивости, несправедливости и нежизнеспособности данной формы предварительного расследования, о ее несоответствии базовым канонам уголовного процесса, главным образом подходам к доказыванию, и т. п. [7, с. 58; 8, с. 24; 9, с. 107 и др.]. Конечно, некоторые из таких скептических оценок, к сожалению, были связаны с банальным нежеланием «отречься» от привычных стереотипов и переосмыслить существовавшие годами, нередко «впитанные с молоком матери» установки, то есть ментально допустить давно назревшую потребность в оптимизации предварительного расследования. Однако считать подобные оценки абсолютно лишеными разумности, обусловленными только кондовым консерватизмом, интуитивным сопротивлением каким-либо новшествам и подсознательной боязнью перемен тоже нельзя – они не лишены изрядной доли здравого смысла. К тому же многие сделанные в этой связи негативные прогнозы оказались чуть ли не пророческими, о чем будет сказано далее.

Таким образом, возникает закономерный вопрос: чем все-таки надлежит считать предпринятую в 2013 г. попытку упрощения дознания – возвратом к истокам, устремленностью в будущее или путем в никуда? Разрешению данной дилеммы, вернее даже трилеммы, посвящена настоящая статья.

ФАКТОРЫ, ОБУСЛОВИВШИЕ НЕВОСТРЕБОВАННОСТЬ СОКРАЩЕННОГО ДОЗНАНИЯ

Уже нет никаких сомнений в том, что сокращенное дознание не оправдало возложенных на него надежд. Оно так и не смогло

¹ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Пояснительная записка к законопроекту № 33012-6 [Электронный ресурс] // Государственная Дума Федерального Собрания РФ : сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/33012-6> (дата обращения: 15.11.2025).

превратиться в реальную альтернативу ординарному дознанию, то есть дознанию, проводимому в общем порядке, стать хорошим подспорьем в решении стоящих перед досудебным производством по уголовному делу задач, завоевать популярность у сотрудников полиции и других правоохранительных органов, снискать благосклонное отношение прокуратуры, развеять вполне ожидаемые сомнения адвокатского сообщества, подозреваемых, потерпевших в безопасности упрощения формы предварительного расследования и т. д. Другими словами, воплощенные в двадцать третьем законе замыслы оказались не вполне жизнеспособными, по крайней мере, мало пригодными для практического использования в работе наделенных дознавательскими полномочиями правоохранительных органов, прежде всего полиции. Причем сегодня тщетность этого опрометчиво сделанного в 2013 г. правотворческого шага получила чуть ли не официальное признание.

В настоящее время разрабатываются и активно обсуждаются новые пути упрощения досудебного производства в целом и оптимизации дознавательской практики в частности, предлагаются очередные редуционные модели дознания. Например, в МВД России подготовлен поражающий своими масштабами пакет поправок к УПК РФ, помимо прочего предполагающий ликвидацию сокращенного дознания с его заменой так называемым особым порядком досудебного производства – новой вариацией упрощения работы правоохранительных органов³. Правда, ввиду множества нареканий к данному законопроекту его внесение для рассмотрения Федеральным Собранием РФ пока отложено. Вполне вероятно, что эти правотворческие намерения вообще останутся нереализованными.

Чем же можно объяснить весьма слабую и к тому же постоянно снижающуюся востребованность сокращенного дознания в правоприменительной практике? Отвечая на этот вопрос, стоит обратить внимание на три ча-

стично перекликающихся, но тем не менее предполагающих собственный смысл, во всяком случае, имеющих индивидуальные оттенки негативных фактора.

Во-первых, несостоятельность сокращенного дознания можно увязать с его нахождением в явном диссонансе с глубоко укоренившимися в доктрине и правоприменительной практике, признаваемыми большинством специалистов в качестве само собой разумеющихся представлениями о механизмах досудебного производства по уголовному делу. Другими словами, легализованные в двадцать третьем законе инновационные подходы к предварительному расследованию, изначально основанные на разрыве существовавшего в течение нескольких десятков лет позднесоветского шаблона, оказались не вполне пригодными к должному восприятию, а точнее – к принятию профессиональным сообществом. Практические работники оказались явно не готовы к введению сокращенного дознания, а если говорить на языке психологии – к откату от устоявшегося поведенческого паттерна, к выходу из своеобразной зоны комфорта. Ни сами дознаватели, ни их руководители, ни прокуроры, ни суды, ни, разумеется, адвокаты так и не смогли справиться с недоверием к возможности установления имеющих значение для уголовных дел обстоятельств посредством «неполноценных» когнитивных приемов. Соответствующие познавательные результаты так и не заслужили требуемого отношения, невзирая на предпринятую одновременно с введением сокращенного дознания попытку усиления статусности, значимости и формализации способов собирания ряда подобных «средств доказывания» (ч. 1.1, 1.2 ст. 144 УПК РФ). Их надежность, пригодность к использованию в качестве заменяющих традиционные доказательства информационных суррогатов и ценность для нужд уголовной юстиции по-прежнему видятся большинству правоприменителей достаточно сомнительными.

Во-вторых, нежизнеспособность сокращенного дознания можно объяснить его обремененностью целым рядом предусмотренных ст. 226.1 и 226.2 УПК РФ дополнительных, несвойственных ординарному дознанию условий. Такое множество правовых запретов и предписаний уже само по себе представляется

³ О проекте федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части введения особого порядка досудебного производства)» [Электронный ресурс] // МВД России : сайт. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Departamenti/Dogovorno_pravovoj_departament/Publikacii_i_vistuplenija/item/3079668/ (дата обращения: 15.11.2025).

явным перебором, а их одновременное выполнение – более чем затруднительным. И в этой связи количество подходящих для дознания в сокращенной форме уголовных дел уже изначально являлось достаточно умеренным, а соответствующие возможности полиции и других правоохранительных органов – весьма ограниченными. Тогда как в реальности подобные условия вполне ожидаемо оказались еще менее выполнимыми. Прежде всего, заинтересованные в исходе уголовных дел субъекты – подозреваемые, обвиняемые (в том числе подсудимые), потерпевшие, стремясь к осуществлению различных корыстных замыслов либо, наоборот, намереваясь «отмстить» за упущенные выгоды, следуя рекомендациям «мудрых советчиков» либо просто поддавшись беспричинным капризам и причудам, принялись активно злоупотреблять предоставленными им процессуальными правами, главным образом отказываясь от ранее выраженных волеизъявлений. Кроме того, проявились и другие практические препоны, сильно осложнившие выполнение правовых условий сокращенного дознания. Разработанные для этих нужд прикладные технологии мгновенно обросли свойственными российской системе уголовной юстиции бюрократическими ритуалами, привели к очередному увеличению количества «бумаг» и, следовательно, к разрастанию материалов досудебных производств. Одновременно дознавателям пришлось тратить дополнительные усилия на работу с потерпевшими и т. п.

Наконец, в-третьих, говоря о причинах практической несостоятельности и слабой востребованности сокращенного дознания, нельзя проигнорировать недопустимо низкое, не выдерживающее никакой критики качество двадцать третьего закона. Ведь несмотря на всю резонность предопределивших появление сокращенного дознания правотворческих замыслов, положения гл. 32.1 УПК РФ представляются более чем неудачными, не способствующими ни должному уяснению нормативных посылов, адресованных субъектам соответствующих правоотношений, главным образом профессиональным участникам уголовного судопроизводства (дознавателям, начальникам органов и подразделений дознания, прокурорам, судьям, адвокатам и т. д.),

ни продуктивному использованию предоставленных возможностей. Многие из этих положений в очередной раз свелись к замысловатым, достаточно путаным, противоречивым, в связи с чем непригодным к надлежащему толкованию или вообще способным завести в тупик формулировкам.

Думается, что такие несуразности далеко не в последнюю очередь возникли вследствие неуверенности причастных к созданию соответствующего законопроекта лиц в допустимости и целесообразности затеваемых преобразований. По крайней мере, в положениях гл. 32.1 УПК РФ отчетливо усматривается какая-то нерешительность «коллективного законодателя», угадываются явные сомнения в необходимости столь серьезных упрощений. Создается впечатление, что разработчики двадцать третьего закона испугались собственных замыслов, а потому проявили изрядную осторожность и побоялись делать резкие движения. Поэтому каждое предложенное послабление режима работы органов дознания было с лихвой компенсировано дополнительными процессуальными гарантиями, в первую очередь перманентными опциями, позволяющими возвратиться «на исходные позиции» в любой момент производства по уголовному делу, вплоть до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора. Не исключено, что предпосылки подобной неуверенности состояли в интуитивном опасении «выпускания джина из бутылки», то есть создания пагубного правотворческого прецедента, способствующего разрушению привычных стереотипов (дескать, оказывается, так было можно!) и усилению тенденций к упрощению иных форм предварительного расследования. Однако основная причина колебаний создателей законопроекта усматривается несколько в другом – в изначальной неразработанности четкой и, главное, целостной концепции сокращенного дознания, отсутствии ясных представлений о сущности и характере предлагаемых нововведений, об условиях их имплантации в устоявшуюся систему уголовной юстиции и корреляции с ординарными формами и методами деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры, суда.

**РЕДУКЦИОННАЯ ПРИРОДА СОКРАЩЕННОГО
ДОЗНАНИЯ – ПЕРВОПРИЧИНА
ЕГО ПРАКТИЧЕСКОЙ НЕВОСТРЕБОВАННОСТИ**

Исходя из сказанного, возникает вопрос: имеются ли принципиальные возможности создания более продуктивной и пригодной к активному использованию вариации сокращенного дознания либо какой-нибудь иной упрощенной формы предварительного расследования с аналогичным, во всяком случае, схожим предназначением? Другими словами, хотелось бы «взвесить» реальные шансы устранения либо нивелирования рассмотренных выше и приведших к низкой востребованности сокращенного дознания негативных факторов.

С одной стороны, такие шансы вроде бы существуют и могут быть использованы для формирования более приемлемой для дознавательской практики нормативной модели упрощенного производства. Прежде всего, ничто не мешает попытаться отступить от современных подходов к разработке вносимых в УПК РФ коррективов, постараться наконец отказаться от поспешной и сумбурной реализации перманентно возникающих правотворческих прожектов и предпринять исчерпывающие меры к созданию четкой и целостной научной концепции сокращенной формы работы органов дознания, поручить сравнительно небольшой группе авторитетных в этой области ученых-процессуалистов подготовить отвечающий всем канонам юридической техники законопроект. Вполне вероятно, что в таком случае удастся частично сгладить и другие повлиявшие на низкую востребованность сокращенного дознания негативные факторы: заметно сократить количество необходимых для его проведения правовых условий, избежать замысловатости, путанности соответствующих положений закона, добиться уменьшения свойственных им противоречий.

Вместе с тем, с другой стороны, эти старания не принесут никаких ощутимых результатов, ведь имеющиеся у «коллективного законодателя», но пока не использованные шансы состоят лишь в возможности частичного преодоления присущих сокращенному дознанию проблем, в первую очередь устранения сильно осложняющих правоприменительную практику нормативных излишеств и несуразностей.

Не исключено, что такие усилия смогут привести к несколько большей популярности данной формы предварительного расследования, к некоторому увеличению количества соответствующих уголовных дел, но добиться чего-то более значительного все равно не получится. Никаких реальных перспектив полного устранения негативных факторов, предопределивших нежизнеспособность, по крайней мере, достаточно низкую востребованность сокращенного дознания, нет. Проще говоря, соответствующие правотворческие намерения уже изначально обречены на провал.

Указанные негативные факторы никоим образом нельзя признавать первопричинами ущербности и практической непопулярности сокращенного дознания. Правильнее рассматривать их как производные обстоятельства, возникшие в силу глобальных тенденций, свойственных развитию национальной уголовной юстиции в целом и предварительного расследования в частности, а подлинную первопричину провальности воплощенных в двадцать третьем законе правотворческих замыслов надлежит связывать с более общим и важным явлением – с *редукционной природой сокращенного дознания*, то есть со сведением его сущности исключительно к набору упрощений ординарного порядка дознания (изъятий из гл. 32 УПК РФ).

На первый взгляд подобное утверждение может быть воспринято как достаточно странное и даже абсурдное. Казалось бы, какой вред правоприменительной практике может причинить очевидное, само собой разумеющееся, четко синхронизированное с легальным наименованием данной формы предварительного расследования и к тому же прямо предусмотренное уголовно-процессуальным законом положение о редукционности сокращенного дознания – о его преимуществах по отношению к общему порядку дознания и одновременной обусловленности некоторыми упрощениями (изъятиями). А между тем именно это положение и является основным детерминантом ущербности и нежизнеспособности сокращенного дознания; именно в ч. 1 ст. 226.1 УПК РФ и «зашифровано» подлинное объяснение его не востребоваемости для нужд досудебного производства по уголовному делу.

Ведь суть любого упрощения состоит в сведении чего-то исконно сложного к более простому и примитивному. А в части упрощения уголовно-процессуальной формы подобные задачи надлежит решать посредством послабления некоторых процедурных требований, то есть снижения изначально высокой степени обремененности тех или иных правоотношений юридическими гарантиями доброкачественности соответствующих результатов. Однако реализованные в двадцать третьем законе идеи о редукции ординарного дознания представляются не вполне укладывающимися в эту парадигму. Так, вытекающий из смысла гл. 32 УПК РФ общий, вроде бы базовый порядок дознания – далеко не стандартная, не типичная для уголовной юстиции форма работы правоохранительных органов, вовсе не исконно свойственная предварительному расследованию правовая данность.

В публикациях автора настоящей статьи неоднократно обращалось внимание, что бытующие сегодня подходы к ординарному дознанию возникли относительно недавно – в результате начатых в 1920-х годах и проводимых в течение всех последующих лет перманентных преобразований советского и постсоветского досудебного производства. Кроме того, указывалось, что ввиду целого ряда причин некогда существовавшее в дореволюционной России классическое полицейское дознание со временем превратилось в полноценную уголовно-процессуальную деятельность, а некоторые присущие ему и, к слову, достаточно простые формы и методы выявления и раскрытия преступных деяний, сохранения следов произошедшего, установления и задержания подозреваемых и т. п. сильно усложнились, обросли множеством процессуальных гарантий и стали схожи с формами и методами работы органов предварительного следствия [10, с. 62–63]. Другими словами, к моменту появления сокращенного дознания предусмотренное гл. 32 УПК РФ ординарное дознание являлось далеко не базовой, а сильно усложненной формой классической работы правоохранительных органов полицейского типа. Кстати, в этой связи нельзя согласиться с отдельными коллегами, усматривающими в положениях гл. 32.1 УПК РФ те или иные признаки существовавших ранее правил работы

царской полиции и жандармерии либо раннесоветского «неполнообъемного» дознания. В силу редукционной природы сокращенного дознания, его изначальной предопределенности общими условиями и правилами предварительного расследования подобные параллели видятся совершенно неуместными [11, с. 51], а якобы обнаруженные сходства – несколько надуманными.

Таким образом, введение сокращенного дознания привело к возникновению правового парадокса. В двадцать третьем законе была предпринята достаточно странная редукционная попытка упрощения ранее усложненного (!), то есть долгожданного избавления дознания от навьюченных на него процессуальных тяжестей, подобно освобождению гондолы теряющего высоту воздушного шара от заранее запасенных балластных мешков с песком. В этом и состояла основная весьма грубая и непростительная ошибка «коллективного законодателя». Она была предопределена игнорированием общей парадигмы упрощений уголовно-процессуальной формы – упрощать можно лишь нечто исконно сложное, а не ставшее таковым в результате более ранних преобразований. Следовательно, вознамерившись подвергнуть редукции предварительно усложненные механизмы ординарного дознания, разработчики двадцать третьего закона вполне ожидаемо смогли ограничиться лишь точечными мерами, выраженными во фрагментарном послаблении отдельных правовых требований, наименее коррелированных с прочими запретами, дозволениями, предписаниями – тех самых балластных мешков с песком. Тогда как в противном случае пришлось бы посягать на неприкосновенное и «переписывать» добрую половину УПК РФ – перекраивать всю систему дознания и даже досудебного производства в целом, то есть не сбрасывать мешки с песком, а облегчать конструкцию самой гондолы. Поэтому избавить сокращенное дознание от основной массы свойственных ординарному дознанию и возникших в советский период юридических гарантий, равно как и соответствующих процессуально-процедурных компонентов, конечно, не удалось. Напротив, потребовались дополнительные правовые рычаги, способствующие возмож-

ности реализации подобных гарантий, например, никуда не девшихся прав подозреваемых, обвиняемых, потерпевших в условиях действия вводимых новшеств. В этой связи нетрудно предположить, что к точно таким же парадоксам, скорее всего, приведут любые новые правотворческие шаги, состоящие в упрощении предусмотренного гл. 32 УПК РФ дознания как изначально усложненной формы работы правоохранительных органов полицейского типа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Бытующие в настоящее время тенденции к появлению редуцированных форм предварительного расследования, в первую очередь к упрощению дознания, – это не возврат к истокам и не устремленность в будущее, а прямой путь в никуда. И поэтому направленные на создание сокращенной формы дознания правотворческие замыслы неизбежно потерпели фиаско: с одной стороны, введенные новшества оказались бессмысленными, не приносящими никакой практической пользы, тогда как с другой – привели к дополнительным рискам и трудностям в работе наделенных дознавательскими полномочиями правоохранительных органов. Иначе говоря, справиться с поставленными задачами и внедрить максимально простой, скоротечный и, что немаловажно, достаточно дешевый меха-

низм расследования нетяжких преступлений наподобие дореволюционного или раннесоветского дознания «коллективному законодателю» было не под силу. Ввиду тех же причин такими же провальными будут и все последующие правотворческие инициативы, связанные с редуциацией общей формы процессуальной деятельности органов дознания, в том числе разработанные МВД России предложения о введении особого порядка досудебного производства, о которых говорилось выше. Любые попытки упрощения ранее усложненного неминусомо потерпят фиаско.

В завершение остается лишь добавить, что реальные перспективы упрощения, ускорения и удешевления дознавательской практики полиции и других правоохранительных органов могут усматриваться лишь в общем изменении подходов к проведению дознания, в ослаблении предъявляемых к нему требований, в полной или частичной реставрации существовавшей ранее и достаточно сильно отличающейся от предварительного следствия модели дознавательской деятельности, например, некогда существовавшей протокольной формы досудебной подготовки материалов, направленной на оперативное выяснение обстоятельств случившегося и скорейшую передачу сформированных материалов в суд. Не исключено, что в таком случае потребность в каких-либо сокращениях, упрощениях или ускорениях дознания отпадет сама собой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Качалова О.В. Доказывание при сокращенной форме дознания / О.В. Качалова // Уголовный процесс. – 2013. – № 6. – С. 32–36.
2. Гирько С.И. Производство по уголовному делу дознания в сокращенной форме: прогнозы и суждения / С.И. Гирько // Российский следователь. – 2013. – № 21. – С. 2–5.
3. Гаврилов Б.Я. О мерах по законодательному совершенствованию досудебного производства / Б.Я. Гаврилов // Российский следователь. – 2011. – № 16. – С. 10–13.
4. Калачева А.В. Уголовно-процессуальная форма деятельности органов дознания / А.В. Калачева // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2025. – № 3 (60). – С. 170–175.
5. Пастухов П.С. Теоретическая модель совершенствования уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества / П.С. Пастухов. – Москва : Московская академия экономики и права, 2014. – 296 с.

REFERENCES

1. Kachalova O.V. Proof in Abbreviated Inquiry Proceedings. *Criminal Procedure*, 2013, no. 6, pp. 32–36. (In Russian).
2. Girko S.I. Execution of the Contracted form of Inquiry in a Criminal Case: Prognoses and Opinions. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2013, no. 21, pp. 2–5. (In Russian).
3. Gavrilov B.Ya. On Measures for Legislative Improvement of Pre-Trial Proceedings. *Russian Investigator*, 2011, no. 16, pp. 10–13. (In Russian).
4. Kalacheva A.V. Criminal and Procedural Form of Activity of Inquiry Bodies. *Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*, 2025, no. 3 (60), pp. 170–175. (In Russian).
5. Pastukhov P.S. Theoretical Model of Improving Criminal Procedure Evidence in the Context of the Information Society. *Moscow Academy of Economics and Law Publ.*, 2014. 296 p.

6. Киселев А.А. Положение потерпевшего в рамках сокращенного досудебного и упрощенного судебного производства уголовного процесса России / А.А. Киселев // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – № 1. – С. 107–113.

7. Шейфер С.А. Следует ли отказаться от допустимости как необходимого свойства доказательств? / С.А. Шейфер, М.А. Кошелева // Уголовная юстиция. – 2013. – № 1 (1). – С. 56–58.

8. Смирнов А.В. Дознание в сокращенной форме: еще раз о духе законов / А.В. Смирнов // Уголовный процесс. – 2013. – № 6. – С. 22–30.

9. Васильев О.Л. Новый этап реформы досудебных стадий уголовного процесса. Критический анализ новелл 2013 г. / О.Л. Васильев // Закон. – 2013. – № 8. – С. 100–108.

10. Россинский С.Б. Российская система досудебного производства как синтез различных типов уголовного процесса / С.Б. Россинский // Государство и право. – 2023. – № 4. – С. 58–65.

11. Кувалдина Ю.В. Сокращенное дознание: соответствует ли процедура назначению уголовного судопроизводства? / Ю.В. Кувалдина, В.А. Лазарева // Вестник Самарского государственного университета. – 2014. – № 11/1 (122). – С. 50–61.

6. Kiselev A.A. The Position of the Victim in the Framework of Abbreviated Pre-Trial and Simplified Court Proceedings of the Criminal Procedure of Russia. *Central Russian Bulletin of Social Sciences*, 2014, no. 1, pp. 107–113. (In Russian).

7. Sheifer S.A., Kosheleva M.A. Should Permissibility Be Abandoned as a Necessary Property of Evidence? *Russian Journal of Criminal Law*, 2013, no. 1 (1), pp. 56–58. (In Russian).

8. Smirnov A.V. Pre-trial Investigation in Abbreviated Form: Once Again About the Spirit of the Laws. *Criminal Procedure*, 2013, no. 6, pp. 22–30. (In Russian).

9. Vasiliev O.L. New Stage of Reform of Pre-Trial Stages of Criminal Procedure. Critical Analysis of the 2013 Innovations. *Zakon*, 2013, no. 8, pp. 100–108. (In Russian).

10. Rossinskiy S.B. The Russian System of Pre-Trial Proceedings as a Synthesis of Different Types of Criminal Procedure. *State and Law*, 2023, no. 4, pp. 58–65. (In Russian).

11. Kuvaldina Yu.V., Lazareva V.A. Abbreviated Inquiry: Does the Procedure Comply with the Purpose of Criminal Justice? *Vestnik of Samara University*, 2014, no. 11/1 (122), pp. 50–61. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Россинский Сергей Борисович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rossinsky Sergey Borisovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology.

Статья поступила в редакцию 19.01.2026; одобрена после рецензирования 31.01.2026; принята к публикации 02.02.2026. The article was submitted 19.01.2026; approved after reviewing 31.01.2026; accepted for publication 02.02.2026.